

Д5
Ф751

Ив
Средств 1967
2/20

X8875

ПРО...
...2000г.

МАЙ 2008

Проверено 1970 г.

ВЫДАЧА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

1.

Едва ли не самый крупный признак новаго времени состоитъ въ стремленіи къ совокупному труду соединенными силами многихъ лицъ, замѣчаемому во всѣхъ областяхъ науки. Дѣятельность индивидуальная, конечно, не упраздняется, не смѣняется дѣятельностью общественною, но ищетъ себѣ въ общественномъ соединеніи поддержки и расширенія своего поприща. Работающая личность выступаетъ передъ обществомъ не только съ результатами своего интеллектуальнаго труда, но уже въ самомъ процессѣ его, уединенное кабинетное созерцаніе дополняется публичнымъ обмѣномъ мыслей, начиная съ первыхъ шаговъ ихъ зарожденія. Выгоды такого порядка ассоціаціи труда неисчислимы. Благодаря ему, смягчаются угловатости кабинетнаго созерцанія, научная работа становится ближе къ условіямъ и потребностямъ широкой дѣйствительности, ускореніе обмѣна мнѣній содѣйствуетъ болѣе быстрому развитію научныхъ положеній, а сами работники находятъ въ немъ весьма существенное поощреніе своимъ усиліямъ и, въ среднемъ, значительно выигрываютъ въ широтѣ своего кругозора.

Закону ассоціаціи труда различныя отрасли науки поддаются тѣмъ быстрѣе и полнѣе, чѣмъ ближе стоятъ онѣ къ дѣйствительной жизни и чѣмъ шире кругъ ихъ участниковъ. Первенство безспорно принадлежитъ наукамъ естественно историческимъ, изъ наукъ общественныхъ закону этому раньше и въ наибольшей мѣрѣ подпали науки социальныя, но нынѣ ему подчиняется даже филологія. Не могъ онъ не сказаться и на наукахъ юридическихъ, главнымъ образомъ на болѣе отзывчатой, чувствительной, скажемъ даже—болѣе нервной изъ нихъ, наукѣ уголовного права.

Законъ ассоціаціи естественно началъ свое приложеніе въ грани-

53102/10 y.no.

цахъ государственныхъ, но столь же естественно не могъ въ нихъ удержаться и раздвинулся въ предѣлы международные. До прошлаго года, юриспруденція имѣла уже двѣ международныя ассоціаціи: общество международного права (*Société de droit international*), удѣлявшее значительную долю своихъ работъ вопросамъ уголовно-юридическимъ, и международные пенитенціарные конгрессы, почти всецѣло имъ посвящавшіеся, но въ спеціальной области практическаго приложенія наказанія и предупрежденія преступленій. Огромная польза, ими принесенная, безспорна. Но первая ассоціація по своему складу довольно скоро приблизилась къ типу академіи, съ академическими іерархією, сановитостью и малодоступностью для не прошедшихъ всѣхъ установленныхъ въ ней степеней посвященія; вторые необходимо предположили широкое участіе правительственнаго элемента, представившее извѣстныя неудобства для свободы и быстроты научныхъ изслѣдованій, для обмѣна по душѣ накопившихся мнѣній. Обѣ ассоціаціи, притомъ, касались уголовного права лишь одною своею стороною; не посвящаясь, строго говоря, разработкѣ его внутреннихъ основаній, обѣ занимались только приложеніемъ готовыхъ уже положеній уголовного права къ областямъ, спеціально каждую изъ нихъ интересовавшимъ, энѣ стояли по отношенію къ уголовному праву на почвѣ существующаго, общепризнаннаго, а не на почвѣ реформы, но имѣя въ составѣ своемъ большинство, состоявшее изъ не-криминалистовъ, существующимъ естественно считали общепризнанное за рациональное въ тѣхъ болѣе широкихъ областяхъ, о приложеніи къ которымъ уголовно-юридическихъ началъ онѣ заботились. Въ результатѣ этого было, съ одной стороны, то, что законъ ассоціаціи для внутренней разработки вопросовъ уголовного права пока не дѣйствовалъ, съ другой—провозглашеніе цѣлаго ряда положеній по вопросамъ уголовного права, выставленныхъ представителями чуждыхъ ему спеціальностей и настоятельно требовавшихъ провѣрки со стороны уголовно-правовой доктрины.

Таковы, по крайнему разумѣнію моему, жизненныя причины, вызвавшія образованіе международного союза уголовного права, инициаторами котораго стали бывшій марбургскій, нынѣ галльскій профессоръ Францъ фонъ - Листъ, амстердамскій профессоръ ванъ - Гаммель, и бельгійскій профессоръ Принсъ. Нужно было разобраться въ тѣхъ новыхъ взглядахъ, которые такую массу брошены были въ область уголовного права не-криминалистами, нужно было дать имъ скорѣйшую и наиболѣе авторитетную оцѣнку съ точки зрѣнія доктрины уголовного права, для чего представлялась весьма возможною и глу-

бокая внутренняя реформа въ этой области. Сдѣлать все это съ наибольшимъ успѣхомъ казалось наилучшимъ путемъ соединеннаго труда криминалистовъ всего цивилизованнаго міра. Не для пропаганды новыхъ взглядовъ, высказанныхъ на сторонѣ, не криминалистами, образовался международный союзъ уголовного права, а для разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ на почвѣ доктрины уголовного права, но съ тѣмъ, чтобы не останавливаться, въ случаѣ нужды, передъ пересмотромъ внутреннихъ, хотя бы самыхъ коренныхъ положеній этой доктрины. Однако, такъ какъ ближайшимъ внѣшнимъ поводомъ, приведшимъ къ мысли объ образованіи союза, были эти новые взгляды, то они естественно должны были выдвинуться прежде всего для труда соединеннаго и содержаніе ихъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не могло не отразиться даже на характерѣ дѣятельности союза.

Эти новые взгляды, въ которыхъ предстояла настоятельная надобность разобраться и которые брошены были со стороны въ область уголовного права, образовались постепенно. Доктрина уголовного права въ томъ видѣ, какъ она сложилась ко второй половинѣ текущаго столѣтія, представляется продуктомъ двухъ направленій, изъ которыхъ во главѣ одного стоитъ философія Канта, во главѣ другаго — критика Беккаріи. Вліяніе на нее философіи Канта безспорно и огромно; благодаря Канту, уголовное право вышло изъ того состоянія полицейскаго порядка, когда наказаніе было простымъ средствомъ государственнаго абсолютизма, примѣнявшимся по соображеніямъ постороннимъ наказываемому, чтобы другимъ неповадно было; Канту оно обязано своимъ современнымъ понятіемъ о виновности, какъ продуктъ личной свободы, у него именно нужно искать корней теперешняго ученія о вмѣняемости, о соответствіи между виною и наказаніемъ, о наказаніи какъ необходимой мѣрѣ нравственнаго возмездія; апофеозъ индивидуальности, философія Канта и въ области уголовно-юридической выдвинула индивидуальность на исключительную высоту, отбросивъ въ наказаніи всякія цѣли практическія, объявивъ его непремѣнно обязанностью общезитія, стоящею выше всѣхъ его интересовъ. Беккарія требуетъ цѣлесообразности наказанія, пригодности его для достиженія тѣхъ практическихъ интересовъ, въ виду которыхъ оно примѣняется; однако, общихъ ученій уголовного права о вмѣняемости критика Беккаріи почти ¹⁾ не коснулась, въ основаніи ихъ осталась и получила затѣмъ дальнѣйшее развитіе идея личной виновности.

¹⁾ Если не считать его положенія о мотивахъ, близкія къ Бентамовымъ и развитыя затѣмъ Фейербахомъ, но на почвѣ той же философіи Канта.

Между тѣмъ новыя изслѣдованія постепенно выясняли зависимость человѣческихъ дѣйствій, помимо фактовъ волевыхъ, отъ постороннихъ причинъ, — мысль, высказывавшаяся еще Монтескье, ясно сознавшаяся Тюрго, получившая уже научную формулировку у Кондорсе, а въ примѣненіи къ дѣйствіямъ преступнымъ ставшая предметомъ тщательной разработки статистиковъ и пенитенціаристовъ. Первые, съ Кетлэ во главѣ, выяснили зависимость ихъ отъ общественныхъ условій; вторые обратили вниманіе на особенный складъ преступнаго населенія, на преобладаніе въ немъ людей съ неудовлетворительнымъ физическимъ или нравственнымъ прошлымъ ихъ родителей, а также страдающихъ болѣзнями приобрѣтенными. Болѣе и болѣе выдвигается взглядъ на преступленіе, какъ на необходимый продуктъ ненормальнаго состоянія общества или индивида, въ которомъ личная свобода не принимаетъ никакого участія.

Но если такъ, то идея личной виновности падаетъ, вмѣстѣ съ нею падаетъ и личная отвѣтственность. Если преступленіе есть продуктъ общежитія, то само общество, а не преступникъ, несетъ за него вину: отсюда теорія среды, теорія личной безотвѣтственности во имя общественныхъ вліяній, одно время столь модная на трибунахъ адвокатскихъ. Если преступленіе есть продуктъ органическихъ ненормальностей, наслѣдственныхъ или прирожденныхъ, то равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о личной виновности. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ мѣста наказанію въ томъ значеніи, которое образовалось подъ вліяніемъ философіи Канта.

Возможенъ былъ, однако, и другой выходъ — отказаться отъ положеній Кантовской философіи, погребсти идею личной виновности и воскресить положенія полицейскаго государства, когда наказаніе было простымъ средствомъ служенія интересамъ государственной и общественной безопасности. Этотъ выходъ былъ предложенъ Галлемъ и иными натуралистами еще въ сороковыхъ годахъ, въ то время отброшенъ, но повторенъ съ новою силою такъ называемою итальянскою антропологическою школою, съ Ломброзо во главѣ. Въ преступленіи она видитъ необходимый и натуралистическій продуктъ организаци человѣка особаго типа, человѣка-преступника, по отношенію къ которому общежитію принадлежитъ безграничное право самоогражденія, доходящее до права уничтоженія.

Ни тотъ, ни другой выходъ, понятно, не могутъ удовлетворить криминалиста. Найти возможность примирить ихъ, сохранить идею личной виновности съ признаніемъ вліянія общественныхъ и космическихъ фактовъ на преступную дѣятельность, настоятельно необ-

ходимо для самаго существованія уголовного права. Доктрина антропологической школы, повидимому, пришла на помощь уголовному праву противъ теорій среды, предложивъ ему теорію вреднаго для общезжитія организма; положенія ея высказаны были съ жаромъ и увлеченіемъ жителей юга, ихъ страстность дала имъ широкое распространение, тѣмъ болѣе, что они были подготовлены трудами статистиковъ и пенитенціаристовъ, указывавшихъ однородные факты, хотя дѣлавшихъ изъ нихъ другіе выводы. Съ ними нельзя было не считаться, съ нихъ нужно было начать при пересмотрѣ основаній уголовного права.

Въ такомъ состояніи находилась уголовная юриспруденція къ моменту появленія международнаго союза криминалистовъ. Положенія антропологической школы были ближайшимъ толчкомъ, вызвавшимъ его къ жизни; но почва для критики ея уже готова и стала уже выяснять слабыя стороны антропологическаго направленія. Союзъ образуется для пересмотра уголовного права не на основаніи этихъ положеній, а съ принятіемъ ихъ во вниманіе.

Съ такой, по крайнему разумѣнію нашему, точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на статутъ союза, хотя редація его можетъ подать поводъ къ инымъ заключеніямъ, будто бы союзъ ставитъ своею задачею не провѣрку, а пропаганду положеній антропологической школы. Статутъ этотъ, еще въ 1888 г. разосланный за подписью Листа, ванъ-Гаммеля и Принса къ лицамъ, приглашавшимся принять участіе въ союзѣ, содержитъ въ себѣ слѣдующія десять положеній.

«I. Международный союзъ уголовного права исходитъ изъ убѣжденія, что преступленіе и наказаніе должны быть разсматриваемы не только со стороны юридической, но и общественной. Онъ посвящаетъ себя закрѣпленію этого принципа и его послѣдствій въ науку права и въ уголовныхъ законодательствахъ».

«II. Въ значеніи руководящихъ основаній своихъ работъ союзъ принимаетъ слѣдующія положенія»:

1) Задача уголовного права есть борьба противъ преступности, какъ общественнаго явленія.

2) Поэтому наука уголовного права и уголовныя законодательства должны принимать во вниманіе результаты изслѣдованій антропологическихъ и социологическихъ.

3) Наказаніе есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ преступности, находящихся въ распоряженіи государства. Но это средство не единственное. Поэтому оно не должно стоять изолированно отъ прочихъ средствъ; главнымъ образомъ, не должно забывать средствъ предупредительныхъ.

4) На практикѣ и въ теоріи существенно важно различіе преступниковъ случая и преступниковъ привычки; оно должно лежать въ основаніи карательныхъ постановленій.

5) Имѣя въ виду, что уголовные суды и пенитенціарное вѣдомство преслѣдуютъ одну и ту же цѣль и что значеніе приговора опредѣляется его исполненіемъ, слѣдуетъ признать, что установленною современною доктриною раздѣленіе между функціями репрессивной и пенитенціарной представляется неразумнымъ и вреднымъ.

6) Такъ какъ наказаніе лишеніемъ свободы съ полнымъ основаніемъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ современныхъ карательныхъ системахъ, то союзъ обращаетъ свое спеціальное вниманіе на все то, что относится къ улучшенію мѣстъ заключенія и учреждений, съ ними соприкасающихся.

7) Однако союзъ полагаетъ, что замѣна краткосрочнаго лишенія свободы иными мѣрами, столь же дѣйствительными, возможна и желательна.

8) По отношенію къ долгосрочному лишенію свободы союзъ полагаетъ, что продолжительность его должна зависѣть не только отъ тяжести (матеріальной и моральной) преступления, но также отъ результатовъ, достигнутыхъ вслѣдствіе примѣненія пенитенціарныхъ мѣръ.

9) По отношенію къ неисправимымъ преступникамъ привычки союзъ полагаетъ, что, независимо отъ тяжести учиненнаго ими, даже при повтореніи мелкихъ проступковъ, карательная система должна прежде всего имѣть въ виду поставленіе ихъ въ невозможность причинять дальнѣйшій вредъ на возможно болѣе продолжительный срокъ времени.

III. Члены союза присоединяются къ вышеизложеннымъ положеніямъ.

Новые члены предлагаются бюро однимъ изъ членовъ союза письменно. Бюро союза по большинству голосовъ рѣшаетъ вопросъ о принятіи или непринятіи кандидата, не оглашая своихъ мотивовъ.

IV. Въ видѣ общаго правила, союзъ имѣетъ каждый годъ одинъ съѣздъ, но съѣзды могутъ открываться и въ болѣе продолжительные промежутки. Каждый съѣздъ опредѣляетъ мѣсто и время слѣдующаго съѣзда. Время и мѣсто перваго съѣзда, долженствующаго быть въ 1889 г., будутъ опредѣлены бюро.

V. Бюро опредѣляетъ порядокъ засѣданій и заботится о подготовкѣ докладовъ. Кромѣ того, каждому съѣзду оно представляетъ отчетъ объ улучшеніяхъ, происшедшихъ въ уголовныхъ законодательствахъ со времени предъидущаго съѣзда. Оно публикуетъ какъ этотъ отчетъ, такъ и извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій съѣзда.

VI. Члены бюро избираются общимъ собраніемъ союза, которое

также опредѣляетъ для каждаго съѣзда особо, на какомъ языкѣ, въ видахъ облегченія совѣщаній, должны происходить пренія.

Въ виду общаго правила, по вопросамъ, внесеннымъ на обсужденіе съѣзда, голосованія не производится. Однако, всякое положеніе, внесенное на разсмотрѣніе съѣзда, присоединяется къ основнымъ положеніямъ союза, изложеннымъ въ ст. II, если въ пользу его выскажется не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ.

VII. Общее собраніе постановляетъ свои рѣшенія по простому большинству голосовъ. Отсутствующіе члены имѣютъ право подать голосъ письменно.

Для измѣненія настоящаго статута требуется большинство не менѣе $\frac{2}{3}$ голосующихъ.

VIII. Бюро образуется изъ трехъ членовъ, распредѣляющихъ между собою функціи предсѣдателя, секретаря и казначея. Оно можетъ избрать добавочнаго секретаря.

Предсѣдатель общаго собранія избирается бюро изъ своей среды.

IX. Размѣръ годичнаго членскаго взноса опредѣляется въ 5 фр. или 4 марки; взиманіе ихъ производится казначеемъ.

Общее собраніе можетъ установить временное или постоянное увеличеніе размѣра членскаго взноса.

X. До съѣзда 1889 г. бюро союза образуютъ: профессоръ ванъ-Гаммель въ Амстердамѣ; профессоръ Фр. von Liszt въ Марбургѣ; профессоръ Ад. Prins въ Брюсселѣ.

Получивъ эти положенія съ приглашеніемъ принять участіе въ союзѣ, я сообщилъ профессору Листу, что не раздѣляю положенія о несправимыхъ преступникахъ, всецѣло принадлежащаго антропологической школѣ. Листъ отвѣтилъ мнѣ, что вступленіе въ союзъ отнюдь не означаетъ согласія вступающаго со всѣми положеніями ст. II статута, которыя подлежатъ еще разсмотрѣнію на общихъ собраніяхъ союза. Повидимому, подобныя оговорки сдѣланы были не мною однимъ, потому что вскорѣ въ журналѣ Листа *Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft* (1889, 3, стр. 363 и сл.), а затѣмъ и въ первомъ же номерѣ бюллетеней союза, къ положеніямъ этимъ прибавлена значительно смягчавшая ихъ оговорка. «Союзъ, говорилось тамъ, ни въ какомъ случаѣ не требуетъ отъ своихъ членовъ присоединенія къ опредѣленной уголовной теоріи. Оставляя въ сторонѣ чисто теоретическіе споры школъ, онъ преслѣдуетъ цѣль практическую, именно постепенное преобразование дѣйствующаго права въ смыслѣ полного приспособленія наказанія къ тѣмъ цѣлямъ, которыя имъ преслѣдуются. Каждое уголовное законодательство должно носить наці-

ональную окраску, должно сообразоваться съ истиннымъ характеромъ государства и народа, для котораго предназначается. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое уголовное законодательство имѣть научныя основанія, причѣмъ устанавливающая ихъ наука не ограничивается предѣлами данной національности. Нашъ союзъ поэтому будетъ союзомъ международнымъ, онъ дастъ въ распоряженіе законодателя каждой страны результаты, достигнутые общими усиліями. Ассоціація, которая стремится къ измѣненію законодательства на научныхъ основаніяхъ, должна ясно и по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ намѣтить цѣли, ея преслѣдуемая, и основанія, въ виду которыхъ такія цѣли ея себѣ ставятся. Вотъ почему международный союзъ уголовного права выступаетъ съ опредѣленною программю. Но отъ своихъ членовъ онъ ожидаетъ принятія лишь сущности этой программы. Принципы, провозглашенные въ ст. II статута, должны быть разсматриваемы не какъ положенія извѣстной доктрины, не какъ заповѣди науки уголовного права, а только какъ основанія дѣятельности ассоціаціи; они намѣчаютъ лишь общее направленіе ея работъ». Изложивъ затѣмъ съ нѣкоторыми поясненіями эти положенія (причемъ положеніе о неисправимыхъ преступникахъ не повторяется), и оговоривши, что «по отношенію къ италіанской позитивной школѣ союзъ сохраняетъ за собою полную свободу критики», разсматриваемый документъ въ заключеніе замѣчаетъ: «эти краткія замѣтки свидѣтельствуютъ, что программа союза должна быть разсматриваема не какъ догматическій результатъ предустановленной доктрины, а только какъ призывъ къ серьезнымъ научнымъ работамъ по даннымъ вопросамъ. О многихъ важныхъ вопросахъ ст. II статута умалчиваетъ не изъ желанія пренебречь ими, а только въ виду необходимости начинать съ наиболѣе настоятельныхъ».

Союзъ имѣлъ свой первый съѣздъ, происходившій въ Брюсселѣ 7 и 8 августа прошлаго года по новому стилю. На этомъ съѣздѣ предложено было обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ:

- 1) Можно ли рекомендовать законодательствамъ, по примѣру Бельгіи, ввести въ карательную систему институтъ условнаго осужденія?
- 2) Какія мѣры могутъ быть рекомендованы законодательствамъ для того, чтобы ограничить примѣненіе тюремнаго заключенія въ случаяхъ осужденія за легкіе проступки?
- 3) Каковы недостатки современной системы для борьбы съ рецидивомъ?
- 4) а) Съ какого возраста дѣти могутъ быть преслѣдуемы передъ судомъ?

б) Слѣдуетъ ли ставить право государства на примѣненіе принудительнаго воспитанія къ дѣтямъ въ зависимость отъ факта учиненія ребенкомъ преступнаго дѣянія?

По первому вопросу были представлены доклады Принса и Ламаша. Послѣ устнаго доклада и преній, съѣздомъ принята резолюція, рекомендующая законодательствамъ институтъ условнаго осужденія, но съ тѣмъ, чтобы границы его были опредѣлены сообразно мѣстнымъ условіямъ и въ соотвѣтствіи съ характеромъ и моральнымъ состояніемъ каждаго народа.

По второму вопросу письменные доклады представлены Листомъ и Гарофало. Съѣздъ послѣ преній высказался за ограниченіе тюремнаго заключенія по отношенію къ мелкимъ проступкамъ, рекомендовавъ въ замѣнъ его поручительство и изысканіе способовъ для облегченія взысканія денежныхъ пеней безъ превращенія ихъ въ лишеніе свободы.

По третьему вопросу докладчикомъ былъ ванъ-Гаммель. Съѣздомъ принята резолюція, признающая дѣйствующую карательную систему по отношенію къ рецидивистамъ недостаточною и неудовлетворительною, главнымъ образомъ потому, что она не обращаетъ никакого вниманія на существующія различія между преступниками случая и преступниками привычки, и злоупотребляетъ краткосрочными наказаніями.

Четвертый вопросъ остался не разсмотрѣннымъ. Онъ долженъ былъ имѣть своимъ содержаніемъ опредѣленіе карательной участи несовершеннолѣтнихъ и распадался на двѣ части: а) съ какого возраста возможно уголовное преслѣдованіе дѣтей, и б) слѣдуетъ ли ставить право государства на принудительное воспитаніе ребенка въ зависимость отъ учиненія имъ преступнаго дѣянія?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, брюссельскій конгрессъ утвердилъ бюро союза, выразилъ членамъ его благодарность, опредѣлилъ устройство мѣстныхъ союзовъ для отдѣльныхъ государствъ, и постановилъ созвать второй зѣздъ въ текущемъ 1890 году.

Были установлены мѣсто и время его (Бернъ, 12 — 14 августа по новому стилю) и его программа. Последняя независимо отъ занятій административныхъ, обнимала четыре вопроса: 1) какіе признаки могутъ быть рекомендованы законодателю для распознаванія неисправимыхъ преступниковъ привычки и какія противъ нихъ должны быть приняты мѣры; 2) второй вопросъ обнимаетъ оставшійся неразсмотрѣннымъ четвертый вопросъ брюссельскаго съѣзда, съ присоединеніемъ къ нему, по моему почину, новой части: «представляется ли необходимымъ и удобнымъ ставить режимъ, которому должны подле-

жать преступныя дѣти, въ зависимость отъ разрѣшенія вопроса о томъ, дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія»; 3) можетъ и долженъ ли законодатель обратить большее, чѣмъ нынѣ, вниманіе на моментъ гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго за причиненный ему преступленіемъ вредъ и вообще на права потерпѣвшаго? Какія средства могутъ быть предложены для достиженія этой цѣли?, и 4) возможно ли замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ краткосрочное лишеніе свободы обязательными работами безъ заключенія?

Если нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ носятъ яркую окраску италіанской антропологической школы, то уже изъ резолюціи брюссельскаго сѣзда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что международный союзъ уголовного права при разрѣшеніи ихъ идетъ путями самостоятельными. Ихъ можно назвать соціологическими въ противоположность антропологическимъ, и дѣйствительно, большинство дѣятелей союза—Принсъ, ванъ Гаммель, Ламмашъ, даже Листъ — принадлежать къ соціологическому направленію. Но даже рѣзкости этого послѣдняго умѣряются союзомъ, благодаря юридическому цементу его. Горячая и безусловная пропаганда институту условнаго осужденія со стороны Принса была ограничена брюссельскимъ сѣздомъ рядомъ оговорокъ, потребовавшихъ, чтобы при введеніи его обращалось вниманіе на потребности и особенности каждой данной мѣстности. Корни втораго вопроса лежатъ не у италіанскихъ антропологовъ, а у пенитенціаристовъ. Третій вопросъ докладчикомъ его ванъ Гаммелемъ былъ поставленъ очень рѣзко въ направленіи антропологическо-соціологическомъ, но сѣздъ смягчилъ и его, признавъ лишь то, что становится уже господствующимъ мнѣніемъ и между юристами, благодаря работамъ пенитенціаристовъ, именно необходимость дѣлать различіе между преступниками привычки и преступниками случая. Все это дастъ полное основаніе надѣяться, что и въ будущемъ международный союзъ уголовного права будетъ идти широкимъ путемъ свободнаго научнаго изслѣдованія, что онъ не станетъ органомъ пропаганды положеній какой нибудь односторонней теоретической секты.

Къ половинѣ нынѣшняго года союзъ насчитывалъ въ разныхъ государствахъ 360 членовъ. Большинство приходилось на Германію (107), за нею шли Венгрія (49), Австрія (32), Нидерланды (21), Италія (18), Россія съ Финляндіей (17), Швейцарія (16), Бельгія (11), Франція и Испанія (по 9). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ образовались уже «мѣстныя группы» (Landesgruppen), подвергающія своему предварительному обсужденію вопросы, намѣченные для предстоящихъ конгрессовъ со-

юза, а для облегченія сношеній со своими членами союзъ имѣть въ каждой странѣ делегаціи, взимающія весьма скромные членскіе взносы (ежегодно 5 франковъ), пересылающія ихъ въ бюро союза, распредѣляющія въ каждой странѣ труды союза и вообще являющіяся представителями интересовъ союза въ странѣ и страны передъ союзомъ. Для Россіи эту функцію временно я согласился принять на себя.

II.

Въ началѣ августа 1890 г. происходилъ второй съѣздъ союза, въ Бернѣ. По обстановкѣ, онъ существенно отличался отъ брюссельскаго: больше торжественности, выдержки въ преніяхъ, знаковъ общественнаго вниманія. Открытіе его и предсѣдательство принялъ на себя глава Швейцаріи, предсѣдатель федеративнаго совѣта г. Рюшонне. Съѣхалось въ Бернъ 80 членовъ союза, въ томъ числѣ г-жа Кемпинъ, профессоръ нью-іоркскаго университета; изъ Россіи прибыли профессоръ московскаго университета А. К. Вульфертъ, товарищъ прокурора г. Брэннеръ и я; изъ Франціи—профессоры каэнскаго университета Гоклеръ (Gauclair) и Лебре (Lebret) и нашъ знакомецъ по петербургскому конгресу парижскій профессоръ Левелье; Германія имѣла 18 представителей, въ томъ числѣ профессеры Листъ, Зейфертъ, Кгисъ, докторъ Георгъ Майръ и др.; проф. Принсъ и ванъ-Гаммель представляли Бельгію и Нидерланды, судья Упстрѣмъ (Uppström)—Швецію, но наибольшее число прибывшихъ членовъ (46) выпало, конечно, на страну, въ которой происходилъ съѣздъ. Отсутствіе италіанскихъ членовъ было всеми замѣчено. Засѣданія происходили въ залѣ швейцарскаго федеративнаго совѣта и видимо были подготовлены опытнымъ руководителемъ: секретаріатъ въ полномъ составѣ, трудная функція переводчика выполнялась блестящимъ образомъ г. Брюстлейномъ. Въ первомъ и послѣднемъ засѣданіяхъ съѣзда предсѣдательствовалъ г. Рюшонне, въ посредствующихъ — вице-президенты, избранные изъ числа членовъ съѣзда.

Выборъ Швейцаріи для съѣзда оказался весьма удачнымъ, потому что Швейцарія, въ предѣлахъ которой сталкиваются самыя различныя законодательныя системы, крайне заинтересована въ принципиальномъ соглашеніи ихъ и занята въ настоящее время работами по изготовленію проекта общешвейцарскаго уголовнаго уложенія.

Въ своей привѣтственной рѣчи г. Рюшонне отнесся весьма сочувственно къ союзу. Нѣтъ причины, замѣтилъ онъ, опасаться со

стороны союза колебанія уголовно-юридическихъ началъ, потому что своею программю союзъ признаеть наказаніе однимъ изъ наиболее дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ, а это болѣе чѣмъ истина, это аксіома. Безспорно, прибавилъ почтенный предсѣдатель, для успѣха этой борьбы желательно расширение мѣръ предупредительныхъ и болѣе тѣсная связь ихъ съ мѣрами карательными. Въ заключеніе г. Рюшонне высказалъ, что хотя, конечно, уголовное право по существу своему носить глубоко національный характеръ, однако нельзя считать невѣроятнымъ, что энергіи союза удастся приготовить проектъ международнаго уголовного кодекса, и что нѣкоторыя главы этого проекта войдутъ въ положительныя законодательства. Почтенному президенту отвѣчали члены бюро союза, гг. Принсъ, Листъ и ванъ-Гаммель.

Въ программу бернскаго съѣзда, какъ сказано выше, вошли четыре вопроса: 1) о преступникахъ неисправимыхъ; 2) о замѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы работами безъ заключенія; 3) о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ и 4) о реформѣ гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступленія. Но послѣдній вопросъ остался неразсмотрѣннымъ, такъ что занятія съѣзда ограничились первыми тремя вопросами.

По первому вопросу въ бюллетеняхъ союза напечатанъ докладъ профессора марбургскаго университета Лиліенталя, воспроизведенный имъ устно и поддержанный профессоромъ Левелье, который сошелся съ предыдущимъ докладчикомъ. Профессоръ Лиліенталь признаеть существованіе опаснаго класса неисправимыхъ преступниковъ, ставшихъ таковыми частью по причинамъ физическимъ, именно по вырожденію, алкоголизму, болѣзнямъ и т. п., дѣлающимъ ихъ органически неспособными къ исправленію, частью вслѣдствіе дурныхъ привычекъ, столь глубоко въ нихъ укоренившихся, что никакія мѣры, предпринимаемыя обществомъ, не въ состояніи возвратитъ ихъ на путь нормальной жизни. Дѣлая оговорку, что рѣчь идетъ только о неисправимости относительной, а не абсолютной, отрекаясь отъ тѣхъ вмѣшанныхъ признаковъ и категорій, которые предложены были Ломброзо и его школою, тѣмъ не менѣе и Лиліенталь и Левелье настаивали на необходимости для такихъ лицъ специальныхъ наказаній, проникнутыхъ всецѣло цѣлями общественной безопасности; указывались наказанія пожизненныя, а Левелье, горячій защитникъ ссылки, не преминулъ рекомендовать ее. Другое направленіе, также признавая существованіе неисправимыхъ, находило, что къ этимъ лицамъ должны примѣняться обыкновенныя наказанія, но съ предоставленіемъ об-

шеству права, по отбытіи наказанія, подвергать ихъ особымъ мѣропріятіямъ (Masznahme), которыя вызываются соображеніями безопасности. Отрицалъ неисправимость профессоръ Вульффертъ, сославшись на данныя петербургскаго конгресса. Для согласованія этихъ разнорѣчій образована была особая коммисія, но и она не пришла къ единогласію: ею представлены были двѣ редакціи, большинства и меньшинства. Первая гласила: 1) существуютъ преступники, по отношенію къ которымъ, вслѣдствіе физическаго или моральнаго состоянія ихъ, обычныя мѣры репрессіи оказываются недостаточными; 2) сюда, главнымъ образомъ, должны быть отнесены такіе закоренѣлые рецидивисты, которые должны быть разсматриваемы какъ преступники по вырожденію или по промыслу; 3) такія лица должны быть подвергаемы спеціальнымъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью лишить ихъ опасности, или, если возможно, исправить ихъ, сообразно со степенью ихъ испорченности и представляемой ими опасности. Другая редакція, также признавая существованіе преступниковъ, не поддающихся обычнымъ мѣрамъ репрессивнаго воздѣйствія, предлагала относительно ихъ предоставить общественной власти, безъ примѣненія наказаній, принимать особыя предупредительныя мѣры по отбытіи наказанія (отдача въ рабочій домъ и т. п.), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ классы преступниковъ, къ которымъ мѣры эти могутъ быть примѣняемы (бродяги, вору и т. п.). По этому вопросу мнѣ пришлось остаться при особомъ мнѣніи. Я отрицалъ существованіе особаго *класса* неисправимыхъ преступниковъ, указывая, что такъ называемые неисправимые по причинамъ, лежащимъ въ ненормальности физической организаціи, должны быть совершенно чужды области уголовного права, — это люди больные, требующіе не наказанія, а лѣченія; что же касается такъ называемыхъ неисправимыхъ вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ привычку или промыселъ, то всякая привычка предполагаетъ отвычку; и такъ какъ исправленіе въ смыслѣ общественно-юридическомъ значитъ приспособленіе къ условіямъ нормальной общественной жизни, способность къ которому не можетъ быть отрицаема ни у одного здороваго человѣка, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исправленіе въ этомъ смыслѣ выгодно не только для общества, но и для индивида; — то существованіе между преступниками лицъ неисправленныхъ должно быть объясняемо не столько ихъ особеннымъ индивидуальнымъ состояніемъ, неизмѣннымъ и безповоротнымъ, сколько, главнымъ образомъ, несовершенствомъ тѣхъ воспитательныхъ приѣмовъ, которыми до нынѣ располагало общество. Выводъ, отсюда вытекающій, состоитъ въ не-

обходимости дальнѣйшаго развитія воспитательной системы, а не изощренія въ суровости мѣръ репрессивныхъ и ихъ суррогатовъ. Въ противномъ случаѣ наиболѣе суровымъ мѣрамъ должны были бы подпасть провинившіеся въ преступленіяхъ религіозныхъ, печати и политическихъ, т. е. вызываемымъ окрѣпшимъ и твердымъ убѣжденіемъ, съ которымъ человекъ не разстается до гробовой доски. Требуя поэтому, чтобы мѣры наказанія стояли въ соотвѣтствіи съ объективною тяжестью учиненнаго, я въ виду субъективной опасности дѣятеля, допускалъ лишь примѣненіе мѣръ превентивныхъ, правда, поставленныхъ въ болѣе тѣсную связь съ наказаніемъ, но отдѣленныхъ отъ него и всецѣло опредѣляемыхъ задачами воспитанія. Конечно, мысли эти до такой степени расходились съ идеями союза, что нельзя было и думать о принятіи ихъ съѣздомъ, но я считалъ своею обязанностью высказать ихъ, какъ протестъ противъ догмата о несправивности. Незначительнымъ большинствомъ 24 противъ 22 голосовъ, съѣздъ принялъ первую редакцію, проф. Лиліенталя, такъ что вторая не подвергалась обсужденію.

Слѣдующій вопросъ, подлежавшій обсужденію съѣзда, состоялъ въ томъ, могутъ ли принудительныя работы замѣнить въ нѣкорыхъ случаяхъ краткосрочное лишеніе свободы. Дурныя стороны краткосрочнаго заключенія уже давно обращаютъ на себя вниманіе и рельефно выставляются союзомъ, который поставилъ одною изъ своихъ задачъ борьбу съ этимъ зломъ. Для сколько нибудь тяжкихъ преступниковъ, мѣра эта при современномъ ея положеніи отнюдь не представляется наказаніемъ, между тѣмъ какъ новички въ преступленіи, благодаря ей, постепенно свыкаются съ тюрьмою, терпятъ по освобожденіи ея позоръ, что уменьшаетъ для нихъ возможность честнаго заработка, и семейныя связи ихъ ослабѣваютъ. Вотъ почему еще на брюссельскомъ съѣздѣ ставился вопросъ о способахъ замѣны этой мѣры для ограниченія ея примѣненія, причемъ, какъ мы видѣли, съѣздъ рекомендовалъ съ этою цѣлью институтъ условнаго осужденія, поручительство и облегченіе способовъ уплаты опредѣленныхъ судомъ денежныхъ взысканій. Тогда же указывались съ этою цѣлью принудительныя общественныя работы безъ заключенія, первоначальная идея о которыхъ принадлежитъ графу Фореста, высказавшему ее на лондонскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1872 г. и затѣмъ поддерживавшему ее на римскомъ конгрессѣ 1885 г. Но хотя эта идея уже считаетъ за собою около 20 лѣтъ и первоначально была принята весьма сочувственно, однако мало по малу пришлось убѣдиться въ неосуществимости ея въ размѣрахъ достаточно широкихъ; при обсужденіи ея

возможнаго устройства приходилось наталкиваться на непреодолимыя практическія трудности, какъ-то: слѣдуетъ ли устраивать для приговоренныхъ къ такимъ работамъ общія мастерскія, притомъ—вмѣстѣ со свободными рабочими или отдѣльно отъ нихъ, или же можно дозволить производство работъ на дому? слѣдуетъ ли устраивать разнообразныя по роду работы, или же, въ виду крайней трудности этого, довольствоваться только простѣйшими занятіями мускульными, образующими такъ называемую черную работу? слѣдуетъ ли назначать работы на опредѣленный срокъ, или же на опредѣленное количество заработка, притомъ — по стоимости ли или же по величинѣ послѣдняго? въ случаѣ неспособности къ устроеннымъ работамъ чѣмъ и какъ замѣнять ихъ? можно ли допустить выкупъ отъ нихъ? какъ устроить контроль за работами и расчетъ ихъ? Защитники идеи обязательныхъ работъ безъ заключенія до сихъ поръ не озаботились выяснить, какъ быть съ этими практическими затрудненіями. Вотъ почему пенитенціарные конгрессы отнеслись къ этому вопросу весьма сдержанно, и въ рефератѣ Баумгартена, представленномъ бернскому съѣзду, шла рѣчь о замѣнѣ общественными работами не лишенія свободы, а только денежныхъ взысканій на случай несостоятельности приговоренныхъ. Докладчикъ склонился къ утвердительному рѣшенію, и въ томъ же смыслѣ высказались профессора Цурхеръ, Зейфертъ и Принсъ; пражскій профессор Цукеръ, опасаясь конкуренціи такихъ работъ для свободнаго производства, предлагалъ допускать ихъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, представляющихъ особо благоприятныя для того условія. Выразивъ удовольствіе, что нынѣ уже не ставится вопроса о замѣнѣ общественными работами краткосрочнаго лишенія свободы, а только денежныхъ взысканій, я замѣтилъ, что и съ такимъ ограниченіемъ настоящій вопросъ едва ли достаточно подготовленъ для окончательнаго рѣшенія его съѣздомъ, ибо самыя денежные взысканія въ разныхъ случаяхъ имѣютъ разную природу: въ однихъ они составляютъ наказаніе слабѣйшее (за легкія нарушенія), въ другихъ—наказаніе специфическое (за нарушеніе таможенныхъ, лѣсныхъ, питейныхъ и т. п.), примѣняемое какъ исключительное или дополнительное; я прибавилъ, что предложеніе замѣнять денежные взысканія при несостоятельности къ уплатѣ ихъ дѣлается въ видахъ облегченія участи приговоренныхъ, а съ этимъ едва ли мирится предлагаемый для всехъ случаевъ принудительный характеръ ихъ; что потому, прежде принятія этой мѣры, слѣдовало бы подумать, не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ, допускать замѣну денежныхъ взысканій при несостоятельности осуж-

денныхъ или общественными работами, или лишеніемъ свободы, по выбору самихъ приговоренныхъ. Съездъ согласился съ заявленіемъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія природы денежныхъ взысканій и отложилъ вопросъ объ общественныхъ работахъ.

Послѣдній вопросъ, разсматривавшійся съездомъ, посвящался уголовно-юридической участи несовершеннолѣтнихъ. Онъ состоялъ изъ трехъ частей: 1) съ какого возраста можетъ имѣть мѣсто уголовное преслѣдованіе несовершеннолѣтнихъ; 2) должно ли ставить отдачу несовершеннолѣтнихъ подъ общественную опеку въ зависимость отъ учиненія преступнаго дѣянія; и 3) представляется ли необходимымъ и целесообразнымъ ставить участь ихъ въ зависимость отъ рѣшенія вопроса, дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія? Но вторая часть была отложена за отсутствіемъ докладчиковъ, по первой части докладчикомъ былъ Гоклеръ (Gauclair), по третьей я. Докладъ г. Гоклера развивалъ слѣдующія положенія: нѣтъ разницы между мѣрами карательными и предупредительными, ибо тѣ и другія направлены къ общественной безопасности; опасность же для общества человѣкъ можетъ представлять въ самомъ раннемъ возрастѣ; поэтому право уголовного преслѣдованія не должно ограничиваться никакимъ возрастнымъ срокомъ, съ тѣмъ лишь, что въ случаяхъ учиненія дѣяній, преступность которыхъ коренится только въ положительномъ законодательствѣ, а не въ природѣ вещей (*délits positifs* въ противоположность *délits naturels*), карательныя мѣры не должны примѣняться къ дѣтямъ, не достигшимъ извѣстнаго возраста. Хотя мнѣ предстояло реферировать только по третьей части вопроса, но я не могъ выполнить моей задачи безъ опроверженія предварительно положеній г. Гоклера и началъ съ нихъ. Настаивая на глубокой разницѣ мѣръ карательныхъ и предупредительныхъ, я указалъ, что первыя совершенно неумѣстны относительно дѣтей; что при системѣ г. Гоклера уголовные процессы могли бы быть вчинаемы даже противъ грудныхъ дѣтей; что потому въ данномъ случаѣ кореннымъ представляется вопросъ о самомъ понятіи дѣтства, для установленія котораго существуютъ двѣ системы: французская, предоставляющая рѣшеніе этого вопроса суду, и германская, при которой дѣтскій возрастъ невмѣяемости опредѣляется самимъ законодателемъ—эта послѣдняя система получаетъ рѣшительное господство, и нынѣ къ ней склоняется даже Франція. Споръ или, правильнѣе, разнорѣчіе существуетъ только относительно цифры дѣтскаго возраста; Италія опредѣляетъ ее въ 9 лѣтъ, Россія въ 10, Германія въ 12. Конечно, замѣтилъ я, установленіе такой цифры зависитъ отъ

географическихъ и этнографическихъ условій каждой данной мѣстности, однако нынѣ едва ли умѣстно оспаривать необходимость установить эту цифру въ самомъ законѣ. Новѣйшія же изслѣдованія по этому вопросу направлены къ тому, чтобы она была отодвинута нѣсколько далѣе сравнительно съ тѣмъ, какъ ее опредѣляютъ положительныя законодательства, именно до 14 лѣтъ для государствъ европейскихъ. Затѣмъ я перешелъ къ вопросу о разуміи ²⁾, и указавъ его крайнюю неопредѣлительность, создающую значительныя трудности при разрѣшеніи его, а также его неправильность и ненужность, предлагалъ упразднить этотъ вопросъ и замѣнить вопросомъ, нуждается ли несовершеннолѣтній въ общественной опеку; при утвердительномъ рѣшеніи участь несовершеннолѣтняго должна опредѣляться сообразно его индивидуальнымъ особенностямъ, въ томъ смыслѣ, что если въ странѣ существуетъ нѣсколько категорій заведеній принудительнаго воспитанія для несовершеннолѣтнихъ (школы исправительныя и воспитательныя), то помѣщеніе дѣтей въ заведенія той или иной категоріи должно зависеть не только отъ факта учиненія преступнаго дѣянія, но также отъ другихъ обстоятельствъ, и переводъ изъ однихъ заведеній въ другія долженъ быть облегченъ по возможности. На изложенныхъ основаніяхъ я предложилъ сѣзду: 1) признать совершенно неумѣстными какія бы то ни было карательныя мѣры относительно дѣтей моложе 14 лѣтъ; 2) упразднить вопросъ о разуміи; 3) ввести относительно дѣтей до 18 лѣтъ вопросъ, нуждается ли ребенокъ въ отдачи подъ опеку общественной власти, и 4) примѣнять къ дѣтямъ порядокъ мѣропріятій, согласованный съ ихъ индивидуальными условіями. Положенія эти были приняты рѣшительнымъ большинствомъ сѣзда. Интересно заявленіе, сдѣланное профессоромъ Припсомъ въ подкрѣпленіе моихъ положеній. Онъ сообщилъ, что въ Бельгіи, гдѣ усвоено раздѣленіе заведеній для несовершеннолѣтнихъ на двѣ категоріи, смотря по тому, совершили ли они преступленіе или нѣтъ (законъ 1848 г.), состоялось министерское циркулярное постановленіе, по которому рекомендуется помѣщать дѣтей въ тѣ или иныя заведенія по индивидуальнымъ ихъ особенностямъ, не стѣсняясь фактомъ преступленія. Такимъ образомъ, разница между дѣтьми преступными и бездомными (*enfance coupable*, *enfance abandonnée*) болѣе и болѣе сглаживается.

Кромѣ того, профессоръ Принсъ сообщилъ данныя изъ праѣтики

2) Подробный по нему докладъ мой напечатанъ въ *Bulletin de l'Union*, 1890, № 4.

института условнаго осужденія въ Бельгіи. Оказывается, что за истекшій періодъ времени изъ 284,000 осужденныхъ приговорены условно 13,195 (меньше 5%), и изъ этого числа только 200 осужденныхъ (меньше $\frac{1}{3}\%$) не выполнили условія и были впоследствии подвергнуты наказанію, хотя первое время по постановленіи приговора — самое опасное для соблюденія его условія. Поэтому, замѣтилъ проф. Принсъ, законъ объ условномъ осужденіи въ Бельгіи нынѣ пользуется полнымъ сочувствіемъ со стороны судей и публики.

По предложенію проф. Листа, бюро союза, дополненное нѣкоторыми лицами, займется составленіемъ сравнительнаго изданія европейскихъ уголовныхъ законодательствъ. Эта прекрасная мысль родилась на почвѣ Швейцаріи и, повидимому, вызвана двумя эпизодами бернского съѣзда. На первомъ мѣстѣ едва ли не слѣдуетъ поставить рѣчь г. Рюшонне, именно ту часть ея, въ которой онъ высказалъ надежду, что союзъ изготovitъ проектъ международнаго уголовного кодекса. Второю побудительною причиною мѣры, заявленной профессоромъ Листъ, былъ, повидимому, прекрасный подарокъ, который г. Рюшонне, отъ имени федеративнаго совѣта, препроводилъ всѣмъ членамъ бернского съѣзда на память о немъ: это — сравнительное изданіе всѣхъ швейцарскихъ уголовныхъ уложеній, трудъ г. Штоса, произведенный имъ по порученію федеративнаго совѣта³⁾.

Съѣздъ закончился избраніемъ бюро, которое осталось въ прежнемъ составѣ съ присоединеніемъ г. Брюстлейна въ качествѣ секретаря, постановленіемъ о возвышеніи членскаго взноса съ 5 до 7 $\frac{1}{2}$ франковъ въ годъ, и заключительными рѣчами гг. Рюшонне, Принса и Листа.

По вечерамъ происходила товарищескія собранія членовъ съѣзда и увеселительныя прогулки; въ одинъ изъ вечеровъ устроенъ былъ дурной фейерверкъ. Въ день открытія съѣзда членовъ его ждалъ особый поѣздъ, доставившій всѣхъ насъ въ Тунъ, гдѣ послѣ банкета состоялась поѣздка по озеру; все время среди насъ оставалась симпатичная фигура г. Рюшонне; его милая привѣтливость и радушное гостепримство прочихъ швейцарцевъ заставили насъ помириться даже съ дурною погодой, весь этотъ день насъ преслѣдовавшей, и только поздно вечеромъ мы возвратились въ Бернъ.

Международные конгрессы на западѣ — нынѣ явленіе обычное. Берн-

3) Die schweizerischen Strafgesetzbücher zur Vergleichung zusammengestellt und im Auftrage des Bundesrathes herausgegeben von Carl Stooss. Basel und Genf, 1890.

скій съѣздъ криминалистовъ былъ даже не конгрессомъ, а весьма скромнымъ reunion; скромнѣе онъ былъ по своей программѣ, весьма бѣдной въ сравненіи съ программой петербургскаго международнаго пенитенціарнаго конгресса. Не богаты и выработанныя имъ положенія, не велика сравнительно съ петербургскимъ конгрессомъ была и предварительная подготовка къ нему со стороны его членовъ. Подготовительные труды ихъ путемъ печати легко и съ удобствомъ сдѣлались извѣстны всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежало, а печатное слово за границею до такой степени распространено, что, казалось бы, бернскій съѣздъ представлялся излишнею роскошью, отнявшею напрасно много времени у занятыхъ людей и стоившею напрасныхъ затратъ для небогатаго государства.

Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы обсуждать съѣздъ по началамъ того направленія, которое со страницъ юридическаго изданія бросило тяжелый укоръ петербургскому международному пенитенціарному конгрессу. Послѣдній для него — случайная толпа невѣждъ съ ничтожнымъ числомъ лицъ авторитетныхъ, толпа, привлеченная не интересами мысли, а запахомъ кухни и парами Вакха, не сумѣвшая постановить ни одного дѣльнаго рѣшенія, годная лишь для заведенія и поддержанія знакомствъ, но для этого черезъ чуръ дорого стоившая, похитившая у русскаго государства массу денегъ, которыя бы съ большею пользою пригодились на улушеніе русскихъ мѣстъ заключенія. Повторяемъ: бернскій съѣздъ былъ значительно бѣднѣе по составу, по программѣ, по результатамъ, и, происходи онъ у насъ, со стороны откровеннаго направленія вызвалъ бы еще большіе громы.

Не такъ думаетъ западъ, не такъ думаетъ Швейцарія. Приѣмъ, оказанный съѣзду, былъ самый радушный. Первый человекъ въ государствѣ провелъ со съездомъ почти все время его пребыванія, принималъ въ немъ дѣятельное участіе, проявлялъ ему все знаки вниманія, будучи поддержанъ лучшими представителями магистратуры, профессуры и правительства изъ всѣхъ частей Швейцаріи. Сердечность приѣма сказывалась на всемъ, а гостепримство проявилось въ организаціи каждый день различныхъ увеселеній: за вечеромъ въ прекрасномъ саду Schänzli слѣдовали фейерверкъ, потомъ гулянье въ рошѣ, музыкальный вечеръ, и все это завершилось въ полномъ смыслѣ роскошнымъ банкетомъ въ Тунѣ, съ самыми живыми проявленіями вниманія къ съезду. Видимо, швейцарцы были рады и отъ души встрѣчали гостей, которыхъ они признавали желанными

А между тѣмъ, на западѣ нужда въ международныхъ конгрессахъ существуетъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ у насъ. Тамъ широко развернулась печать, и малѣйшее проявленіе мысли тамъ быстро разносится по всѣмъ концамъ. Условія жизни сложились такъ, что мысль западнаго человѣка работаетъ постоянно, правильно, безъ періодовъ дремоты и галлюцинацій; нѣтъ тамъ настоятельной надобности прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для того, чтобы будить ее или прогонять скывающіе ее призраки. По состоянію культуры, народы западной Европы весьма близки другъ къ другу, такъ что почти все, доставляемое международными сношеніями, могутъ находить у себя дома. Дружественныя отношенія между собою они могутъ поддерживать литературою, а заведеніе и поддерживающіе знакомствъ тамъ облегчено удобствомъ путей сообщенія, обычаемъ лѣтнихъ экскурсій и многими другими благопріятными условіями.

Напротивъ, условія родной жизни сложились такъ, что для насъ международныя сѣзды представляются болѣе полезными и болѣе желательными, чѣмъ для какого бы то ни было западнаго государства. Намъ труднѣе слѣдить за успѣхами культуры въ каждомъ изъ западныхъ государствъ, а конгрессъ, сводящій во-едино добытые ими за данный промежутокъ времени результаты, важенъ для насъ не только какъ мѣсто для обмѣна свѣдѣній, но даже какъ мѣсто поученія. Онъ будитъ нашу дремлющую-мысль и прогоняетъ кошмары, порожденные ненормальными условіями жизни. Въ видахъ заведенія и поддержанія знакомствъ между представителями данной специальности, конгрессъ для Россіи имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для государствъ запада. Международный конгрессъ, происходящій въ Россіи, уменьшаетъ ту оторванность ея отъ цивилизованнаго міра, которая проявляется въ высшей степени вредно на всѣхъ сторонахъ нашей жизни, и, побуждая иностранцевъ познакомиться съ нами, даетъ имъ возможность приобрести къ намъ симпатіи, которыхъ ни на какія деньги не купишь. Съ другой стороны, посѣщая конгрессы за границей (а это для насъ неизбѣжная потребность), мы тѣмъ самымъ принимаемъ на себя обязанность время отъ времени устраивать ихъ у себя.

Но, говорятъ, зачѣмъ такъ много роскоши, пировъ, денежныхъ тратъ? Автору этихъ строкъ до конгресса петербургскаго пришлось присутствовать за-границею на трехъ международныхъ конгрессахъ за границею, именно на двухъ пенитенціарныхъ—въ Лондонѣ и Римѣ, и на одномъ статистическомъ—въ Буда-Пештѣ. И я долженъ сказать, что въ отношеніи роскоши и предупредительности приема петербург-

скій конгрессъ занимаетъ отнюдь не первое мѣсто, а развѣ одно изъ скромныхъ среднихъ. Гостепрѣимство на за-граничныхъ конгрессахъ проявлялось отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ у насъ. Немного чаще у насъ, можетъ быть, давались обѣды, но это уже была наша добрая воля, а не вина конгресса; иностранные члены, какъ намъ извѣстно, возбудили даже вопросъ о принятіи на будущее время мѣръ къ тому, чтобъ обѣды и иныя увеселенія были отодвинуты къ концу періода засѣданій и не мѣшали бы правильнымъ занятіямъ послѣдующихъ конгрессовъ. Денежныя затраты наши на конгрессъ, сколько о нихъ можно судить нынѣ, весьма близки по суммѣ къ затратамъ другихъ государствъ, устраивавшихъ у себя конгрессы, и вполне окупаются не только богатыми результатами петербургскаго конгресса, но и тѣми симпатіями къ Россіи, съ которыми отъ насъ уѣхали иностранные члены. Говорить, что полезнѣе было бы употребить эти деньги на улучшеніе нашихъ мѣстъ заключенія, равносильно утвержденію, высказывавшемуся въ нашей литературѣ, что висѣлица и кнутъ дешевле школьнаго учителя. Это значить, какъ уже было замѣчено въ печати, забывать тѣ огромныя выгоды, которыя приносить для государства дѣятельность школьнаго учителя.

Русское общество знало, что оно дѣлаетъ, стремясь принять участіе въ петербургскомъ конгрессѣ и радушно встрѣчая его иностранныхъ членовъ. Оно слѣшило получить недостающія ему свѣдѣнія и стремилось уплатить свой долгъ другимъ народамъ, ранѣе того устройвавшимъ у себя международные конгрессы. Помня за вѣтъ Владиміровъ, оно старалось принимать иностранцевъ такъ, чтобы они уѣхали отъ насъ съ добрыми мыслями. Видя общепризнанное богатство результатовъ конгресса, оно не жалѣетъ сдѣланныхъ на него затратъ и не раздѣляетъ той близорукой мысли, что 50,000 рублей, издержанныхъ на петербургскій конгрессъ, было бы выгоднѣе употребить на архитектурныя улучшенія какого нибудь флигеля литовскаго замка. Оно знаетъ, что любое изъ положеній петербургскаго конгресса окупаетъ эту издержку, не говоря уже о симпатіяхъ къ Россіи, которымъ конгрессъ далъ возможность возникнуть, и о томъ, что имъ образовано новое звѣно въ культурной цѣпи, соединяющей русское общество съ западноевропейскими на правахъ равенства.

Знала отлично и Швейцарія, какія высокія моральныя выгоды доставляетъ ей принятіе у себя даже столь скромнаго международнаго съѣзда, какъ съѣздъ союза уголовнаго права. Съ добрыми мыслями къ этой сердечной гостепрѣимной странѣ разѣхались члены

союза, и добрая память о бернскомъ съѣздѣ сохранится у нихъ надолго.

Будущій съѣздъ союза проектированъ на 1891 годъ въ Христианіи. Международный союзъ уголовного права — учрежденіе молодое и дышащее молодостью, энергіею и свѣжестью. Оно не можетъ не быть весьма симпатично для всѣхъ тѣхъ, которымъ надоѣли метафизическія бредни и произвольный субъективизмъ прежнихъ школъ. Союзъ стремится къ постановкѣ и разрѣшенію жгучихъ вопросовъ уголовного права на почвѣ дѣйствительности и насущныхъ потребностей общегитія. Пожелаемъ же ему остаться вѣрнымъ этому пути и избѣгать ошибокъ прежнихъ дѣятелей.

И. Фойницкій.

00003348

ЮФ СПбГУ